

УДК – 94.(32).04

**ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИНИЯ В РАЗВИТИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА***Н. А. Николаева***CENTRAL EUROPEAN TRADITION IN THE DEVELOPMENT
OF THE BRONZE AGE IN THE NORTHERN CAUCASUS***N. A. Nikolaeva*

В статье анализируются проблемы происхождения и периодизации культурной традиции эпохи ранней и средней бронзы центрального Северного Кавказа в контексте индоевропейской истории. Выделены три этапа индоевропейского присутствия в центральной части Северного Кавказа. Первый этап (XXV – XXIV вв.) связывается с индоевропейцами, в составе которых были тохары и индоиранцы (скипетры, курганы, обряд скорченно на спине). Второй этап (XXIII – XXII вв.) связывается с прахеттами, древнеевропейцами и индоариями (культура дольменов Новосвободной и кубано-днепровская культура с повозками). Третий этап (кубано-терская культура) (XXI – XVIII вв.) формируется из местного (картвельского и северокавказского) компонента и пришлого, центрально-европейского, вышедшего из слабо расчлененной на диалекты древнеевропейской этно-лингвистической общности, куда входили предки исторических кельтов, италиков, германцев, балтов, славян.

The Bronze Age in the western and central parts of the Northern Caucasus was formed as a result of the migrations of the Indo-Europeans from the Central Europe. The first stage of the Indo-European tradition in the Northern Caucasus (XXV – XXIV B.C.) is connected with coming the population that brought the custom to bury their deceased in the barrows with the horse-headed scepters. They are called Indo-Iranians and Tochars. The second stage of the Indo-European tradition in this region (XXIII – XXII B.C.) is connected with the builders of the Novosvobodnaya dolmens. They are archaeological equivalents to the Hittites and coexisted with the Indo-Arians symbolized with the vehicles. The third stage of the Indo-European cultural tradition (XXI – XVIII B.C.) is linked with the Kuban-Terek culture, the archaeological equivalent to the population of northern Central Europe that are called the Ancient Europeans, the ancestors of the historical Celts, Italics, Germans, Balts, Slavs.

Ключевые слова: бронзовый век, Северный Кавказ, индоевропейские миграции, кубано-терская культура, куро-аракская культура, Нартский эпос.

Keywords: Bronze Age, Northern Caucasus, Indo-European migrations, Kuban-Terek culture, Kuro-Araks culture, legends about the Narts.

В развитии раннего и среднего бронзового века Северного Кавказа выделяются три линии, связанные с Центральной Европой, что позволяет говорить о приходе индоевропейцев на Кавказ в середине III тыс. до н. э. и о повторении таких миграционных импульсов в течение еще нескольких столетий до периода стабилизации в период существования кактакомбной культуры.

1.1. Центральноевропейская линия развития на Северном Кавказе XXV – XXIV вв. до н. э.

Энеолитические памятники так называемого «предмайкопского горизонта» от Дона до Кавказа связаны между собой сочетанием трех традиций в их керамическом комплексе (новоданиловской, хвалынской-среднепестовской и майкопской) [9; 22; 30; 34]. Категорией, маркирующей предмайкопский горизонт и синхронный ему доямный горизонт степей Азово-Черноморья, являются зооморфные скипетры [5; 9; 10; 26; 30]. Культурная атрибуция скипетров на западе их ареала не устанавливается из-за отсутствия керамики и закрытых комплексов, но общеизвестно, что они связываются с горизонтом разрушений на поселениях земледельческих культур Юго-Восточной Европы. Роль разрушителей отводили носителям разных культур (Средний Стог II, новоданиловская группа, древнеямная культура). Однако

исследователями не учитывалась возросшая активность культур более северных территорий Центральной Европы, которые перешли к пастушескому типу хозяйства. Они образуют горизонт Болераз-Сэлкуца IV – Чернавода I и появляются на поселениях культуры Гумельница [31]. Горизонт этих культур датируется началом периода Триполье C1, и они представляют собой вторичный союз позднерайнодоевропейских культур Лендьел и культуры воронковидных кубков (далее КВК) [25].

На востоке ареала своего распространения скипетры встречены с хвалынской-среднепестовской керамикой, которая по трипольским импортам датируется периодом Триполье B2/C1-C1, связаны с курганами и «древнеямным» обрядом погребения. Время древнейших курганов в Восточной Европе, (период Триполье B1/B2 для погребения Думяны 15/1 в Северном Попрутье), сооруженных над захоронениями по «древнеямному обряду», является основанием отнесения комбинации «курган+ обряд «на спине скорченно» к древнеямной культурно-исторической области, но не к древнеямной культуре (далее – ДЯК). Самое древнее, по Н. Я. Мерперту, курганное погребение ДЯК Бережновка 5/22 [12] относится к хвалынской культуре по керамике [32], а позднихвалынский комплекс включает простые варианты скипетров, балканский металл периода триполье B2

[23]. Хвалынское погребение Бережновка 5/22, таким образом, фиксирует пересечение путей носителей упомянутого курганного обряда и носителей новоданиловско-среднестоговско-хвалынского комплекса, а также определяет направление распространения курганов и скипетров с северо-запада на юго-восток, поскольку в среднестоговско-хвалыньских памятниках нет курганов.

Подкурганые погребения классической ДЯК оформились позже новоданиловских и даже животиловских (позднетрипольских) памятников, согласно стратиграфии курганов Северо-Западного Причерноморья [35], т. е. в конце периода Триполье С2.

Культурная атрибуция погребений со скипетрами, как и всей так называемой новоданиловской группы, неопределенна, поскольку оба варианта скипетров найдены только в трех полноценных комплексах, без ясного керамического сопровождения (Касимча, Архара 27/1-3, хут. Шляховской [5; 10]). Обнаружение нами в кургане у с. Джангр в Северо-Западном Прикаспии, в курганно-холмовом погребении (Джангр 1/3) каменного схематического «конноголового» скипетра со среднестоговскими сосудами типа хутор Попов [26] открывает новые перспективы атрибуции и датировки предмайкопского/доямного горизонта периодом Триполье С1.

Керамика предмайкопского горизонта с накольчато-жемчужной орнаментацией (далее НЖК), кроме новоданиловских погребений, встречена в среднедонском энеолите (репинская культура) [28, с. 8 – 19] и синхронна периоду Триполье С2, поэтому дата конца предмайкопского горизонта может соответствовать и триполью С2, и дате Новосвободной (XX в. по копиям с насадом Аккадского времени). Кремневый инвентарь новоданиловских памятников со скипетрами может указывать на их связь с миграцией населения культуры воронковидных кубков, сформировавшей горизонт Болераз/Баден – Чернавода I.

Отсутствие своей керамики или присутствие местной керамики типа среднестоговской наряду с транзитным металлом и скипетрами указывает на алгоритм индоевропейских миграций, который раскрывается на основе археологических материалов. Сущность его состоит в том, что миграционный импульс, который задан изначально небольшим мигрирующим группам центрально-европейского происхождения, поддерживается по мере продвижения новыми участниками, каковым является автохтонное (неиндоевропейское) население, через территорию которых проходит миграция.

Это может свидетельствовать о частичной синхронности и параллельности движения «владеющих скипетрами» и строителей курганов из близких или одной территории Центральной Европы, вовлечении в этот процесс автохтонного населения (репинская, среднестоговская и хвалыньская культуры), на базе которых позже возникли памятники собственно древнеямной, «позднеямной» культуры, а в Южной Сибири памятники афанасьевской культуры, кото-

рую многие исследователи связывали с тохарами [5; 25].

Все сказанное позволяет с известной долей условности говорить о появлении индоевропейской (тохарской) культурной традиции на Кавказе в предмайкопское время, которое синхронно дольменам Новосвободной.

1.2. Центрально-европейская линия развития на Северном Кавказе в XXII вв. до н. э.

Население «предмайкопского» горизонта» сменяется и частично сосуществует с пришедшими из областей Древнего Востока носителями майкопской культуры [25]. Новосвободная и поселения с НЖК, возможно, связаны общим генезисом с неолитическими культурами Центральной и Восточной Европы, о чем можно судить по редкой орнаментации керамики «жемчужинами», которые встречаются как в усатовской культуре Северо-Западного Причерноморья [8], так и в репинской культуре Среднего Подонья [28, с. 8 – 19].

Новосвободненская культура имеет ограниченный ареал, короткий промежуток существования на Кавказе и объединяется с серией дольменов на Северо-Западном Кавказе по мегалитичности гробниц, но отделяется от синхронных и соседних культур своим уникальным керамическим комплексом. Отметив общие черты всего комплекса погребального обряда и инвентаря гробниц Новосвободной в кемпиобинской культуре (22 признака) Северного Крыма, в усатовской культуре (26 признаков) и в памятниках позднего Триполья (26 признаков), мы сопоставили керамику и черты погребальной обрядности Новосвободной с памятниками культуры шаровидных амфор (далее КША) по 32 признакам [21, с. 181 – 186, табл. 1 – 3].

Анализ керамики из курганов новосвободненского могильника «Клады» показывает, по нашему мнению, более выраженную связь новосвободненской культуры с усатовскими памятниками, явившимися результатом трансформации трипольской культуры под влиянием КВК, КША, Болераз-Бадена. [20]. Значение культур баденского горизонта в «восточных» миграциях индоевропейцев было уже показано [25, с. 240]. Позже М. Шмит [37; 38; 39] подтвердила особую роль культуры шаровидных амфор в формировании Бадена. Ранее считали, что импульс, формирующий кемпиобинские, нижнемихайловские, усатовские памятники исходил с Кавказа или конкретнее – из культуры дольменов Новосвободной [8, с. 148]. В настоящее время появляется все больше сторонников западного происхождения этой свиты культур под влиянием культуры Баден и КША [36; 37].

В настоящее время можно скорректировать зону формирования новосвободненского комплекса в области контактов культуры шаровидных амфор, культур болераз-баденского круга, позднетрипольской культуры, что позволяет рассматривать новосвободненскую культуру как следующий этап (23/22 вв. до н. э.) утверждения центрально-европейской культурной традиции на Северном Кавказе посред-

ством миграции индоевропейцев, в составе которых были и древнеевропейцы, и прахетты, и индоарии.

1.3. Центральноевропейская линия развития на Северном Кавказе в XXI – XVIII вв.

При установлении происхождения кубано-терской культуры (далее КТК) надо исходить из ее древнейших памятников и состава ядра культуры. Поиски аналогий керамике I этапа, составляющей ядро культуры КТК, уводят нас в ареал КША и КШК, т. е. в тот же регион, где мы искали центр сложения новосвободненского комплекса. Этот факт объясняется тем, что культура шаровидных амфор существует, по М. Шмит, в течение 500 лет, и за этот период КША выступала в разном культурном окружении, менявшем форму ее участия в культурогенезе. Радиоуглеродные (некалиброванные) даты, полученные для 18 памятников Польши и Западной Украины, показывают интервал существования КША (восточной группы) от 2400 до 2000 гг. до н. э. [37, с. 109, табл. 3].

Сравнительно-типологический анализ керамики КТК и КША-КШК основан на сопоставлении 200 сосудов КША + КШК и 200 сосудов кубано-терской культуры. В КТК представлены все основные типы КША. Коэффициент сходства культур, рассчитанный по 1/6 части выборки керамического инвентаря двух культур, достигает почти 1.0. Сравнимые формы сложны и исключают возможность конвергенции, позволяя говорить о генетической общности трех керамических традиций КША, КШК и КТК [13; 14].

Аналогии всем формам гробниц КТК и мегалитам раннебронзового века Северного Кавказа существуют в КВК, КША, КШК. Как следует из обзора погребальных сооружений КША, для них характерны и каменные гробницы, и дольмены, и ящики, и грунтовые ямы под курганом. В культуре шнуровых керамик при сооружении ящика гораздо чаще использовалась сухая кладка булыжника, чем обработанные плиты [3], и эта конструкция чаще фиксируется в КТК Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Особое значение для обоснования связи КТК и Новосвободной, КТК и КША является мегалитическая двухкамерная плиточная гробница в Дзуарикау 3/2, где длина покровной плиты – 5 м. [20, с. 475]. Таких гробниц нет в классическом Триполье, но они известны в КВК, КША и КШК.

Из 29 специфических признаков обряда погребения КТК 22 признака присутствовали в памятниках КША [13, табл. 1].

Сходство между КТК и КША по выделенным признакам погребального обряда достигает 70 %, что считается доказательством однокультурности археологических памятников двух любых культуры [29; 33].

Правомерность выделения предгорной кубано-терской культуры подтверждается тем, что почти все керамические типы I этапа КТК доживают почти в неизменном виде до ее последнего этапа. На коротком промежутке (IV этап) существовала кубано-терская КИО степей и предгорий [20].

Комплекс КТК формировался уже на Северном Кавказе из культурных групп, занимающих разные территории Кубано-Терского междуречья в разное время. Эти группы образуют дискретное культурное пространство в виде двух вариантов – предгорный и степной (Суворовская, Терская), и четырех меридиональных микрорегионов (Верхнее Прикубанье, Пятигорье, Кабарда, Северная Осетия), отражающиеся в названии кубано-терская культурно-историческая общность.

Если на I – III этапах на первых мигрантов КТК (древнеевропейская атрибуция) оказывало влияние население горной полосы Северной Осетии (куроаракская традиция и картвельская лингвистическая атрибуция), то на IV этапе к предгорьям приблизились степные группы с Западного Предкавказья, керамика которых сигнализирует о принадлежности к центрально-европейским культурам, лингвистическая атрибуция которых определяется как «индоарийская» [16; 25].

1.4. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в контексте индоевропейской истории

С выделением кубано-терской культурно-исторической общности (КТ КИО), открываются новые перспективы в понимании этнокультурных процессов, происходивших на Кавказе в бронзовом веке.

Согласно концепции четырех прародин индоевропейцев, а также концепция прародины носителей древнеевропейских и индоиранских диалектов, археологические культуры КВК, КША, КШК относятся к древнеевропейским, а кубано-днепровская культура с повозками III тыс. до н.э. – к индоарийской. Горизонт культур Болераз-Баден, связывающийся с разрушениями поселений Юго-Восточной Европы, имеет греко-индоиранскую этнолингвистическую атрибуцию.

Древнеевропейизмы, выявленные в картвельских языках [11], по нашему мнению, являются несомненным доказательством присутствия пришедших на Кавказ с Центральной Европы «древнеевропейцев», к тому же по соседству с индоариями.

В работе лингвистов «рассматриваются 15 параллелизм, претендующих на общекартвельский характер (т. е. датированных ранее 19 в. до н. э.); 40 параллелизм грузинско-занского хронологического уровня; 40 параллелизм более позднего, но все еще «доисторического» уровня, т. е. до появления армян, греков, персов». [11]. Существование общекартвельского (южнокавказского) языка Г. А. Климов датирует IV – III тыс. Дифференциация общекартвельского, по данным глоттохронологии, относится им к концу III – началу II тыс. до н. э. Далее грузинско-занский делится на грузинский и занский (колхский) языки не позднее конца II тыс. до н.э. Из 15 параллелизм между пракартвельским и индоевропейскими языками корнесловы *'сердцевина, ядро плода'*; *'четыре'*, *'игла, колючка'* находят продолжение в кельтских, германских, балтских, славянских языках [11, с. 62, 93]; картвельская основа *'стоять' (о засухе, жаре)* имеет аналогичное

продолжение в кельтских и германских языках. Эти лингвистические данные позволяют датировать появление индоевропейцев/древнеевропейцев на Северном Кавказе не позже XIX в. до н. э. В отмеченных 40 параллелизмах грузинско-занских и индоевропейских языков наиболее близкие аналогии для грузинско-занской основы 'бурдюк, сума', 'безрогий бык', 'виноградная лоза', 'самец, баран', 'жаба' 'поросенок' 'тина', 'лиса', 'пыль', 'медь' [11, с. 99, 108, 109, 111, 124, 126, 133] находятся в двух или нескольких древнеевропейских языках, которые, по выражению Г. А. Климова, «являются диалектным североевропейским соответствием картвельскому архетипу». Особого внимания заслуживает грузинско-занская основа 'обух топора', имеющая аналогии в кельтских, италийских, германских и балто-славянских ветвях индоевропейского праязыка [11, с. 156], а 'журавль' в грузинско-занском языке фонетически и семантически особенно близок к славянскому, а также к латинскому и балтийским языкам [11, с. 163].

Таким образом, 18 из 40 параллелизмов между грузинско-занским и индоевропейскими языками находят точные аналогии в кельтских, италийских, германских, балтийских, славянских языках, т. е. языках, выделившихся из древнеевропейской лингвистической общности. Эти индоевропеизмы были усвоены грузинско-занским языком не позже конца II тыс. до н. э., по Г. А. Климову. Остальные корнесловы грузинско-занского языка представлены в иранских, индоарийских, греческих языках.

Происхождение 50 % заимствований в грузинско-занском из индоевропейских языков, относимых Г. Крае к «древнеевропейским», свидетельствует о непосредственных контактах картвельских племен с «древнеевропейцами», еще слабо расчлененными на отдельные диалекты – кельтские, италийские, германские и балто-славянские.

Такое состояние «древнеевропейской» общности на Кавказе, по данным археологии, отмечается эквивалентной ситуацией в III тыс. до н. э. в Центральной Европе, где существует почти одновременно три культуры древнеевропейской атрибуции – воронковидных кубков, шаровидных амфор и шнуровых керамик.

Существование древнейших индоевропеизмов в грузинско-занском языке позволяет объяснить существование смешанных КТК/КАРК комплексов на II и III этапах КТК.

Данные лингвистики отвечают нашей гипотезе, что кубано-терская культура складывалась во времени на Северном Кавказе из нескольких групп, мигрировавших из западных районов Восточной Европы, и в дальнейшем принимала миграционные импульсы из тех же районов Центральной и Восточной Европы.

Индоевропеизмы в осетинском языке. Исключительно важным доказательством присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев», среди которых были будущие славяне, являются индоевропеизмы в осетинском языке, названные «скифо-европейскими изоглоссами». В. И. Абаев подчерки-

вает обособленное положение осетинского языка в иранской группе индоевропейских языков и считает, что осетинский язык противостоит всем индоиранским языкам, и по ряду признаков–лексических, фонетических, грамматических – порывает с другими иранскими языками и смыкается с европейскими языками: германскими, балтскими, италийскими, кельтскими, славянскими. Это выражается более, чем в 40 лексических, 3 фонетических и 2 грамматических изоглоссах [2].

Эти индоевропеизмы (а точнее «древнеевропеизмы»), в которых доминируют аналогии из славянских языков, относятся к разным аспектам деятельности человека, элементам окружающего мира. Это – слова, связанные с климатом и ландшафтом («непогода», «снег», «мерзнуть», «таять», «море», «гора», «ложбина», «долина»); это – словесная характеристика растительного и животного мира («олха», «кабан», «поросенок», «кобель», «щенок», «лосось», «блоха», «моль»); сельскохозяйственная терминология и описание продуктов земледелия («серп», «ярмо», «болт между ярмом и дышлом», «пара упряжных быков», «спица в колесе», «зерно», «колос», «овес», «пиво»). Об уровне металлургии и о ремесленной деятельности можно судить по термину «кузнец». Социальная терминология представлена словами «незнатный, простой», «муж», «судилище, суд, суждение».

Поскольку некоторые обозначения частей тела таких, как «рука», «горло», «мошонка», относятся к категории слов, которые нет необходимости заимствовать из другого языка, поэтому единственно возможной является вторая гипотеза о включении в состав осетин неиранской, но индоевропейской группы кавказского населения. Если устанавливается древнеевропейская этимология 40 слов осетинского словаря, то следует вывод, что они принадлежат группе населения, попавшего на Кавказ в результате миграции из Древней Европы, и дожившего до появления в начале I тыс. н. э. алан, предков осетин, пришедших на Кавказ из Средней Азии, а возможно, и из области тагарской культуры [27]. Сам факт существования осетино-европейских параллелей и отсутствие их в других иранских языках говорит о европейской составляющей в осетинском языке. Речь идет о «кавказском»=«древнеевропейском» субстрате для осетинского языка, отсутствующего в других иранских языках. Термин «кавказский» подразумевает территорию, где существовал этот субстрат, а не его корни.

По мнению В. И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов» [2, с. 4].

Скифо-европейские изоглоссы, выявленные В. И. Абаевым, однозначно указывают на приход еще не окончательно разделившихся древнеевропейцев на Северный Кавказ, причем прослеживается определенное доминирование славянской составляющей. Выделение праславян из ПИЕ общности,

возможно, имело место в III тыс. до н. э., исходя из логики рассуждений известных лингвистов [4, с. 238 – 248].

Следовательно, выводы сравнительно-исторического осетинского языкознания подтверждают европейскую атрибуцию памятников кубано-терской культуры Северного Кавказа и показывают древнеевропейскую основу в сложении осетинского этноса.

Данные сравнительно-исторической индоевропейской мифологии свидетельствуют о присутствии древнеевропейцев и индоариев на Кавказе с начала II тыс. до н. э. [1; 6; 7; 20] и являются еще одним убедительным аргументом в пользу миграции древнеевропейцев из Центральной Европы, которую мы обосновали археологически и данными индоевропейского, картвельского и осетинского языкознания [15 – 17]. Они показывают, что все основные сюжеты общекавказского эпоса о Нартах сложились в области обитания «кавказских древнеевропейцев» еще в Центральной Европе. В кельтской, германской, балтской, славянской (т. е. древнеевропейской) и осетинской мифологии существуют общие мотивы и сюжеты, которые доказывают переселение части «древнеевропейцев» на Северный Кавказ. Эти сюжеты убедительны и перечислены в работах культурологов и лингвистов [1; 6; 7] и дополнены нами [17; 18]. Действительно, данные археологии говорят, что центр «древнеевропейской» культурной традиции (кубано-терской культуры) находится на территории Северной Осетии и соседней Кабардино-Балкарии, где были записаны наиболее полные версии «Нартского эпоса». Значит, это древнейшее ядро эпоса появилось на Кавказе вместе с древнеевропейцами, которые также не представляли собой на момент миграции отдельные самостоятельные этнические единицы, хотя находились по соседству с отделившимися к тому времени друг от друга праиранцами и праиндийцами. Присутствие индоевропейцев-древнеевропейцев на Северном Кавказе с III тыс. до н. э. свидетельствует о приоритете древнеевропейцев, как творцов Нартского эпоса, объединяющего народы Северного Кавказа.

Литература

- Абаев, В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау, 1945. – 118 с.
- Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы / В. И. Абаев. – М., 1965. – 166 с.
- АУССР 1985 – Археология Украинской ССР. Т. I. – Киев: Наукова думка. – 1985. – 564 с.
- Бирнбаум, Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции (перевод с английского В. А. Дыбо) / Х. Бирнбаум. – М.: Прогресс, 1987. – 611 с.
- Даниленко, В. Н. Энеолит Украины / В. Н. Даниленко. – Киев: Наукова думка, 1974. – 175 с.
- Дюмезиль, Ж.. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1976. – 275 с.
- Дюмезиль, Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1990. – 231 с.
- Збенович, В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья / В. Г. Збенович. – Киев: Наукова думка, 1974. – 174 с.
- Кияшко, В. Я. Между камнем и бронзой / В. Я. Кияшко // Донские древности. Вып. 3. – Азов, 1994. – 130 с.
- Клепиков, В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье / В. М. Клепиков // Российская археология. – 1994. – № 3. – С. 25 – 27.
- Климов, Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков / Г. А. Климов. – М.: Наследие, 1994. – 249 с.
- Мерперт, Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. – М.: Наука. – 1974. – 152 с.
- Николаева, Н. А. Выделение КТК ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе: изд. Сев.-Осетинского гос. университета, 1980. – С. 97 – 120.
- Николаева, Н. А. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы / Н. А. Николаева: автореф. ... канд. дис. – Л., 1987. – 17 с.
- Николаева, Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – № 1. – С. 3 – 12.
- Николаева, Н. А. Индоарии на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – № 1. – С. 3 – 26.
- Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – первой половине II тыс. до н. э. / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – № 3. – С. 119 – 131.
- Николаева, Н. А. Мифы как источник по реконструкции индоевропейской праистории / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – № 4. – С. 76 – 84.
- Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии / Н. А. Николаева // Краткие сообщения Института археологии РАН. – М.: Наука, 2010. – № 223. – С. 121 – 143.
- Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – II тыс. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока / Н. А. Николаева. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2011. – 536 с.
- Николаева, Н. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа / Н. А. Николаева, В. А. Сафоронов // Сообщения научно-методического совета по охране памятников куль-

туры МК СССР. Вып. VII. – М.: Знание, 1974. – С. 174 – 199.

22. Резепкин, А. Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна / А. Д. Резепкин // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. – СПб., 2000. – С. 223 – 235.

23. Рындина, Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы / Н. В. Рындина. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 208 с.

24. Сафронов, В. А. Проблемы индоевропейской прародины / В. А. Сафронов. – Орджоникидзе, 1983. – 108 с.

25. Сафронов, В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький, 1989. – 402 с.

26. Сафронов, В. А. Старые и новые гипотезы об индоевропейской прародине / В. А. Сафронов // Новое о Древнем Востоке (на арабском языке). – М.: Прогресс, 1989. – С. 40 – 58.

27. Сафронов, В. А. Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию. (Программа для исторических факультетов педагогических университетов) / В. А. Сафронов, Н. А. Николаева. – М.: Издательство МГОУ, 1999. – 66 с.

28. Синюк, А. Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона / А. Т. Синюк // СА. – М., 1981. – № 4. – С. 8 – 19.

29. Статистико-комбинаторные методы в археологии / под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. – М.: Наука, 1970. – 219 с.

30. Телегин, Д. Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы / Д. Я. Телегин // РА. – 2000. – № 1. – С. 18 – 29.

31. Тодорова, Х. Энеолит Болгарии / Х. Тодорова. – София, 1979. – 104 с.

32. Трифионов, В. А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности / В. А. Трифионов // Древности Волго-Донских степей восточно-европейского бронзового века: тезисы докладов Междунар. конф. – Волгоград, 1996. – С. 3 – 6.

33. Федоров-Давыдов, Г. А. Статистические методы в археологии / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Высшая школа, 1987. – 215 с.

34. Формозов, А. А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья / А. А. Формозов // Российская археология. – 1994. – № 4. – С. 44 – 53.

35. Яровой, Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла / Е. В. Яровой: автореф. ... докт. ист. наук. – М., 2000.

36. Rassamakin, Y. Y. On early elements of the Globular Amphora culture and other Central European cultures in the Late Eneolithic of the Northern Black Sea region / Y. Y. Rassamakin // Baltic-Pontic Studies. V. 4. – Poznan, 1996. – С. 112 – 133.

37. Szmyt, M. Absolute chronology of the Eastern Group of Globular Amphorae Culture / M. Szmyt // Eastern Exodus of the Globular Amphorae People 2950-2350 // Baltic-Pontic Studies. V. 4. – Poznan, 1996. – С. 103 – 111.

38. Szmyt, M. Verbreitung und Kontakte der Kugelamphorenkultur: ein Blick auf die polykulturellen Peripherien / M. Szmyt // Germania. Yhrh. 81, Halbband 2. – 2003. – С. 401 – 441.

39. Szmyt, M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae / M. Szmyt // The Baden Complex and the Outside World. – Bonn, 2008. – С. 217 – 233.

Сокращения

ДЯК – древняя культура.

КАРК – куро-аракская культура.

КВК – культура воронковидных кубков.

КТК – кубано-терская культура.

КТ КИО – кубано-терская культурно-историческая общность.

КША – культура шаровидных амфор.

КШК – культура шнуровых керамик.

МГОУ – Московский государственный областной университет.

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

НЖК – культура керамики с накольчато-жемчужной орнаментацией.